

*Архимандрит Пантелеимон (Луговой),
кандидат богословия*

Просветительская деятельность и роль церковных братств в деле защиты Православия

Летописи православных братств — церковных объединений, возникших в XV в. на Западных окраинах Московской Руси в целях защиты Православия, — свидетельствуют об их непрерывной борьбе с католиками и униатами. Сразу же после своего образования братства вступили на путь служения Церкви и народу, охраняя православную веру от жестоких притеснений.

Братства не могли не видеть, что спасение Церкви немислимо без духовно-нравственного просвещения народа. Поэтому просвещение народа в православном духе они считали главной задачей своей деятельности, делом братолюбия, или милостыни, которую братства так щедро подавали нуждающимся.

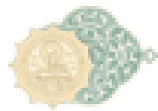

Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII веках

Учреждая православные школы, братства преследовали одновременно и образовательную и религиозно-нравственную цели. Так, в грамоте патриарха Иоакима от 1 января 1586 г. сообщалось: «Львовяне хотят заложить школу письма греческого и славянского, “да не будет род их христианский аки безсловесен ненаучения ради”»[1]. Согласно уставу Львовской братской школы, дидаскалу (учителю) вменялось в обязанность научение «от философов, от поэтов, от историков, вся бо елико аще писана суть, к нашему назиданию писана суть»[2].

Однако главная задача братских школ — духовно-нравственная, ибо «телесное обучение во мале есть полезно, благочестие же на все полезно есть»[3]. Исходя из этого, Елассонский архиепископ Арсений, первый учитель и руководитель Львовской школы, первым пунктом своей программы поставил научение детей страху Божию. И Иерусалимский патриарх Феофан, обращаясь к Минскому братству с грамотой (1620 г.), призывает стараться о «размножении хвалы Божией... чтобы чрез это молодые лозы пересаживались в виноградник Христов и чтобы народ поучался день и ночь в законе Господнем»[4].

Число братских школ особенно стало возрастать с 90-х годов XVI в., когда обнаружилось стремление некоторых православных иерархов и клириков к заключению унии с Римом. Об этом свидетельствует речь известного поборника Православия Лаврентия Древинского на Варшавском сейме 1620 г. Он говорил: «Если бы не последовало отступления некоторых из нашего духовенства от своего законного пастыря в вере, если бы от нас исшедшие не восстали на нас, то таковые науки, таковые

училища, толико достойные ученые люди никогда бы не открылись в народе российском. Учение в церквах наших по-прежнему было бы покрыто прахом нерадения»[5]

Касаясь вопроса о возникновении школ в Юго-Западной Руси, А.В. Горский пишет «Борьба с разномыслящими невольно вызывала православных к употреблению того же орудия, каким действовали их противники»[6]

Доступ в братские школы был самый широкий. Сюда поступали дети знатных родителей и незнатных, бедных и богатых. По выражению епископа Львовского Гедеоны Балабана, двери школы были всегда открыты для «детей всякого стану убогих — за прости Бог, а для богатых — за равным датком»[7]. Этим братские школы отличались от западноевропейских духовных учебных заведений «Богатые над убогими в школе ничем не могут быть высшими, — гласили школьные уставы, — кроме как наукой, плотью же равны все»[8]. В братских уставах, в частности, предусматривалась помощь детям, не имеющим достатка, но желающим учиться «Убогих хлопців братства по вищих школах держали своїм коштом. Дозволялось учитися й тому, хто з милостині жив»[9]. Таким образом, братские школы учреждались на демократических принципах. «..первое у нас условие, чтобы все были православными»[10]

Первым учебным заведением такого типа стала Острожская школа, возникшая примерно в 1578 г. Ее основатель, известный защитник Православия князь Константин Острожский, объединил вокруг школы многих видных культурных деятелей того времени. Первым ее ректором был Герасим Смотрицкий, преподавателями же — Иван Княгинский, Демьян Наливайко и др. Значительный вклад в развитие Острожской школы внесли ученые из Греции — Кирилл Лукарис и Дионисий Палеолог. Архимандрит Захария Копыстенский так писал об ученых Острога «Находились при его (князя Острожского) дворе

ораторы, равные Демосфену, были доктора славные, греческому, славянскому и латинскому языкам обученные. Находились и математики, и астрономы первейшие»[11]

Острожская школа (современники называли ее Академией) сыграла важную роль в истории отечественного образования и культуры. Она положила начало новому типу школ — «греко-славяно-латинских», стала восточнославянской школой высшего уровня, опыт которой использовался в организации других учебных заведений «Академия Острожская, как мотылек, издыхая, передала зачатки жизни Киевскому братскому училищу, и под благословением Кирилла Лукариса, под энергичным управлением Петра Могилы малый зародыш православного духовного просвещения братской школы развился в знаменитую Киевскую Духовную Академию»[12].

В 1585–1586 гг по инициативе членов Свято-Успенского Львовского братства и с благословения Антиохийского патриарха Иоакима во Львове была учреждена первая православная ставропигийная школа, или коллегия. Она процветала несколько веков, и выпускниками ее были многие знаменитые люди. По образцу Львовской школы основывались и другие братские училища — Киевское, Луцкое, Могилевское

Львовская братская школа была многосословной, т.е. в нее принимали детей всех сословий. Плата за обучение была сравнительно небольшой и вносилась родителями учеников только «с премноження своего»[13], т.е. по возможности.

Первым ректором этой школы, как указывалось выше, был архиепископ Елассонский Арсений, грек по происхождению. В 1586 г., возвращаясь из Москвы домой, он по пути заехал во Львов, где по просьбе жителей остался и вскоре открыл школу, в которой обучал «письму греческому и словенскому»[14]. Но поскольку владыка Арсений слабо знал славянские языки и обычаи, настоящим организатором братской школы стал Сте-

фран Зизаний, который пользовался авторитетом среди львовян и был знаком с традициями и проблемами школьного образования на Украине.

В 1586 г. составленный на греческом языке устав братской школы был одобрен находившимся в то время во Львове Антиохийским патриархом Иоакимом, а затем в несколько переработанном виде был утвержден 30 июня 1592 г. Константинопольским патриархом Иеремией.

Образовательный уровень Львовской школы был настолько высоким, что выпускников ее приглашали в качестве учителей славянского, греческого и латинского языков в школы других городов, назначали братскими проповедниками.

Епископ Гедеон Балабан поощрял учреждение братских школ при «крылошанских» церквях. Вскоре таких школ было уже одиннадцать. Но это противоречило привилегии, данной Львовской ставропигийной школе в 1590 г.: «Второе же быти другому училищу общему в месте Львове, кроме единого училища братского Успения Пресвятой Богородицы и в оном только самом учить детей благочестивых и православных христиан Божественного и Священнаго Писания словенского же и еллинского языков»[15].

Киевский митрополит Михаил Рогоза, ссылаясь на постановление Константинопольского патриарха, назвал братскую школу во Львове «соборною» и запретил под угрозой анафемы учреждать другие училища, как в самом городе, так и в предместьях его[16].

Но все же есть сведения о трех пригородных школах: Свято-Богоявленской (1607–1645), Свято-Благовещенской (1667–1742) и Свято-Федоровской (1665–1689). О школах Святой Пятницы, Святителя Николая и Воскресенской есть краткие упоминания в документах, относящихся к первой половине XVII в., о прочих же — в книгах духовных судов 1667–1674 гг.[17].

В этих школах учили славяно-русскому языку и преподавали грамматику.

Сохранился рукописный курс философии (середина XVIII в.), на полях которого есть примечание на латинском языке: «Во Львове при Святом Юре начато курс диалектики 9 сентября 1748 г., и окончено 7 октября того же года за священника отца Василия Боршиковича»[18].

Замечательным памятником украинской педагогической мысли является знаменитый «Порядок школьный»[19]. Он был разработан для Львовского братского училища, состоявшего под надзором двух братчиков. Возможно, что при его разработке был принят во внимание опыт Острожской школы[20]. Позднее этот же устав применялся в школах Луцкого и других братств.

Устав предусматривал тесное сотрудничество школы с семьей. Отдавая ребенка на обучение, отец или опекун должен был прежде всего ознакомиться с уставом, чтобы знать, «яковым способом будут сына его учить», и, как родитель, «помогать всяким способом» школе. Запись в реестр о приеме и исключении учеников из школы происходила в присутствии родителей, учителя и одного-двух свидетелей. Учеба начиналась и заканчивалась в назначенное учителем время. Последний обязан был заботиться о том, чтобы все ученики посещали школу, выяснять причины пропусков, а систематических прогульщиков исключать из школы.

Утром проводились опросы «вчерашней учебы» и проверка домашних письменных заданий, которые ученики должны были выполнять после обеда. По дороге в школу или из школы учащиеся проверяли друг друга, спрашивая трудные слова. В субботу до обеда повторяли выученное за неделю по разным предметам, а после обеда — проводились уроки арифметики, ознакомления с церковным календарем, пения, а также бесе-

ды на нравственные темы. В дни воскресные и праздничные перед Божественной литургией учителя рассказывали детям о празднике, а после обеда — объясняли дневное Евангелие и Апостол. Каждый вечер дети все, чему научились за день, должны были прочитать с объяснением перед родителями или «хозяевами», у которых проживали. При необходимости учителя и братчики — надзиратели школы — напоминали родителям и опекунам, чтобы дома дети вели себя согласно с «Порядком школьной науки». Если ученик не успевал, «Порядок школьный» предписывал выяснить, в чем причина: в нерадении учителя, неспособности ученика или в том, что родители мешают учебе.

Как следует из устава, братчики хорошо понимали, какое значение для глубокого усвоения знаний учениками имеет педагогическое мастерство преподавателя. Кроме того, учитель должен был служить образцом нравственности. «Дидакал школы сей должен быть кроток, благочестив, разсудителен, не лихоимец, не смехотворец, не чародей, не басносказатель, не поборник ересей, но споспешник благочестия, во всем представляя собою пример благих дел... Если б учитель был блудник, пьяница, вор, козун, нерадивец, сребролюбец, клеветник, гордец, такой не должен быть не только учителем, но и жителем в школе» [21].

Школа считала своей главной задачей выработку характера воспитанников на началах строго христианских и требовала от них сознательного и живого отношения к храму Божию, к богослужению и выполнению высшего долга христианского — исповеди и принятию Святых Тел и Крови Господа и Спаса нашего Иисуса Христа [22].

В братской школе изучались предметы цикла «семи свободных наук»: грамматика, риторика (поэтика), диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка, право на преподава-

ние которых братчики получили от короля Сигизмунда III при поддержке гетмана Сагайдачного. Сначала в школе изучали славянский и греческий языки, на которых велось преподавание, а с 1604 г. в программу вошел и латинский язык.

За короткое время Львовская школа добилась больших успехов и превратилась в «очаг просвещения и письменности» [23]. Этому способствовали поддержка ее экономически сильным Успенским братством и покровительство таких влиятельных людей, как князь Острожский, гетман Сагайдачный и др. Учителями здесь были известные ученые, писатели, общественные деятели: Стефан и Лаврентий Зизанин, Иов Борецкий, Памва Берында и др.

Высокий уровень обучения, активная борьба против полонизации и окатоличивания, демократичность устава Львовской школы сделали ее образцом для других братских училищ.

В Вильно, по благословению патриарха Иеремии, в 1588 г. также была организована братская школа, которая помещалась в двух домах при Троицком монастыре. После перехода последнего в унию, братство и школа переместились в монастырь Святого Духа.

Уже в 1617 г. братство построило для школы большой каменный дом, в котором устроили пять классов. Первым ректором школы стал строитель Свято-Духовского монастыря, один из самых достойных представителей Православия — архимандрит Леонтий (Карпович), впоследствии епископ Владимирский и Брестский. В 1633 г. школа была утверждена королем Владиславом IV.

Просветительские задачи Виленского братства весьма ясно сформулированы в девяти артикулах его устава. В нем говорится, что все братчики должны заботиться о том, чтобы детям в школах преподавались различные науки, а также о приличном содержании и вознаграждении учителей.

Виленская братская школа, находясь в центре Литовского княжества, подвергалась нападкам и преследованиям со стороны иезуитов и польской шляхты. Эти гонения особенно усилились после Брестской унии 1596 г.

Следующей по времени возникновения, после Виленской и Львовской, была Брестская школа, основанная в 1591 г., одновременно с Брестским братством. Преподавателем здесь некоторое время был Лаврентий Зизаний, автор известной грамматики, учительствовавший ранее во Львовской братской школе. Школу эту постигла та же печальная участь, что и другие братские училища того времени. В результате репрессий и преследований со стороны униатского епископа Ипатия Подея в 1597 г. она была отнята у братства и прекратила свое существование.

Около 1590–1592 гг. открыло свое училище и Могилевское братство, возникшее незадолго перед этим и перенявшее «школьный порядок» от львовских братьев. Школа в Могилеве пережила жестокие гонения, воздвигнутые Иосафатом Кунцевичем. После того, как у братства все было отнято униатами, братчики вновь объединились в стенах церкви Входа Господня во Иерусалим и перенесли сюда свое училище. Несмотря на гонения, школа оставалась твердым оплотом Православия и просуществовала еще значительное время.

В конце XVI в., кроме уже упомянутых Львовской, Виленской, Брестской и Могилевской, возникли следующие братские школы: Рогатинская — 1589 г., Бельская — 1594 г., Городокская — 1591 г., Люблинская — 1596 г., Перемышльская — 1592 г., Каменец-Подольская — 90-е гг., Комаринская — 1592 г., Галицкая — конец XVI в.

Этот перечень — свидетельство широкого распространения школ в Юго-Западной Руси.

В начале XVII в. возникают новые братские училища: Замоштьевское, Холмское, Винницкое, второе Львовское (Богоявленского братства, 1609 г.), Немировское, Пинское и др.[24].

Потребность в православной школе испытывали и киевляне, которые опасались, что их дети «от чуждаго источника пиюще, смертоносного яда западных схизмы упившися, ко мрачному римляном уклонятся»[25].

Учреждена Киевская школа была в 1588 г., одновременно с братством, по благословению Константинопольского патриарха Иеремии. В 1605 г., после пожара, уничтожившего Богоявленскую церковь и училище, школа была восстановлена. С этого времени она сделалась главным предметом забот Киевского братства, которое следило за тем, чтобы в ней не прекращалось «подавание наук учтивых и цвичене детей народу христианского, отколь хвала всемогущего Бога на земли множится, потеха родичом из сынов наказанных растет»[26].

Об учителях Киево-Братской школы сохранилось очень мало сведений. Достоверно известны имена только двух учителей, бывших ректорами: Кассиана Саковича (1622 г.) и Фомы Иевлевича, упоминаемого под 1631 г. «Вообще же учителями во все это время являются здесь монашествующие, которых ввела во двор свой Анна Гулевичевна»[27].

Характерной особенностью Киевской школы были постоянно читаемые пред всем народом проповеди слова Божия. Братские учителя в праздничные дни в большой монастырской церкви произносили религиозно-назидательные поучения, а по воскресным дням, после ранней обедни, один из учителей, избранный на целый год, толковал народу катехизис и учение о Евангельских блаженствах[28].

В 1632 г. с братской школой слилась основанная в 1631 г. архимандритом Киево-Печерской Лавры Петром Могилой Лаврская школа. Так возникло первое в нашей стране высшее

учебное заведение, получившее сперва название Киево-Могилинской коллегии, а с 1701 г. — Киевской Академии. Число студентов ее в конце XVIII в. превышало тысячу человек[29].

Благодаря наличию широкой сети православных школ, прежде всего братских, образовательный уровень населения Украины и Белоруссии был довольно высоким. Архидиакон Павел Алеппский, который сопровождал Антиохийского патриарха Макария в Россию и дважды, в 1654 и 1657 гг., побывал в Украине, писал: «Начиная с этого города (Рашкова) и по всей земле казаков мы заметили прекрасную черту, которая вызвала наше удивление: все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и дочек, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные пения... детей больше, чем травы, и все умеют читать, даже сироты»[30].

Кроме того, школы были оплотом православной веры в прокатолическом окружении, способствовали богословской апологетике Православия. Из них вышли такие антиуниатские деятели, как митрополит Иов Борецкий, епископ Леонтий Карполич, братья Зизании, архимандрит Захария Копыстенский, иеромонах Кирилл Транквилион, иеромонах Памва Берында, иеромонах Тарасий Земка, игумен Феодосий Сафонович и др.

Таким образом, братским школам принадлежит важное место в истории отечественного просвещения. Высоко подняв грамотность украинского и белорусского народов, они сыграли большую роль в борьбе этих народов против полонизации и окатоличивания.

Типографии. Полемическая литература

Не меньшее значение в деле религиозного просвещения народа и защиты Православия имела издательская деятельность братств.

До открытия братских типографий на территории Украины и Белоруссии действовало несколько частных типографий (в Замостье и Остроге). Однако они не могли удовлетворить постоянно возрастающей потребности в печатных изданиях. Поэтому типографии постепенно появляются почти во всех братствах. Главную свою задачу братства видели в том, чтобы обеспечить богослужебными книгами все православные церкви Польско-Литовского государства, некоторые же их издания расходились далеко за его пределы. Бедным храмам книги раздавались бесплатно.

Огромной заслугой братских типографий было то, что издаваемые в них богослужебные книги предварительно сличали с греческими подлинниками и тщательно исправляли. Такая осторожность объяснялась не столько желанием исправить ошибки и погрешности, вкравшиеся по невниманию наборщиков, сколько стремлением избежать злонамеренных искажений книг, к которым часто прибегали враги Православия.

Кроме просветительской стороны, в издательской деятельности братств важную роль играла и экономическая сторона — книгоиздание давало прибыль.

Братства издавали творения святых отцов, нравоучительные повествования, речи известных проповедников, послания иерархов Церкви, а также братские и школьные уставы, учебники.

Право на издание книг утверждалось королевскими и патриаршими грамотами. Например, в грамоте, подписанной в нояб-

ре 1589 г. патриархом Иеремией, Луцким епископом Кириллом Тростецким и Львовским епископом Гedeоном Балабаном, говорится следующее: «Мають вольность друковати невозбранно священныя книги церковныя прилежно из великим опатренем не токмо Часословцы, Псалтыри, Апостолы, Миней и Триоди, Гребники, Синаксары, Евангелие, Метафрасты...и прочая книги богословов церкви нашея Христовы, но и училищу потребныя и нужные, сиречь грамматику, пиитику, риторику, философию»[31].

В типографиях печатались также многочисленные послания братств к другим братствам и ко всему народу; своими посланиями братчики воодушевляли упавших духом и укрепляли веру православных в период гонений.

Одной из самых знаменитых была типография Львовского Успенского братства. Сведений о времени ее основания не сохранилось. Известно, что окончательно она была утверждена на месте прежней типографии Ивана Федорова и действовала вплоть до 1708 г., т.е. до принятия братством унии. Юридической основой для деятельности своей типографии братство считало уставные грамоты, полученные от восточных патриархов и местного епископата.

Во всех документах, отражающих планы Львовского братства в области книгопечатания, учреждение типографии связывалось с другим важным событием — основанием его знаменитой школы. Чтобы поставить преподавание в школе на должный уровень, нужна была типография для печатания учебных пособий. А для типографии было очень полезно наличие школы, привлекавшей образованных людей, которые могли быть редакторами, корректорами и даже авторами.

Среди ученых людей, сотрудничавших с Львовским братством и печатьей, можно назвать хорошо образованных горожан Юрия Роготинца и Ивана Красовского, учителей брат-

ской школы Стефана Зизания, Арсения, архиепископа Еласонского и др

Первыми известными изданиями Львовской братской типографии являются две грамоты, увидевшие свет в 1591 г., — Константинопольского патриарха Иеремии, датированная ноябрем 1589 г., и Брестского собора от 20 июня 1590 г

В том же 1591 г. вышло из печати одно из самых известных изданий типографии — «Грамматика доброглаголивого еллинословенского языка».

В 1593 г в «друкарни братской» было напечатано на греческом и славянском языках полемическое произведение Мелетия Пигаса (к тому времени Александрийского патриарха) «О христианском благочестии к иудеом ответ» Призывая царя Феодора Иоанновича оказать помощь Львовскому братству, патриарх Мелетий в том же году писал: «Ибо эти братья, приобрев с большими издержками типографию, печатают священные книги начального обучения. Один плод этих трудов есть и наше увещание к иудеям, которое они, взяв, обнародовали...»[32]

Издавая творения святых отцов, братчики выбирали те книги, которые могли быть использованы как оружие в общественно-политической борьбе того времени или как один из способов пропаганды культурно-просветительских идей братства Интересно в этом отношении книга «О воспитании чад» (1609). Основную часть сборника составляет церковнославянский перевод учений отцов Церкви, в первую очередь творений Иоанна Златоустого. Некоторые исследователи считают, что составителем сборника был учитель братской школы Иов Борецкий, который подобрал цитаты, соответствовавшие его собственным взглядам на воспитание[33]

Подсчитано, что Львовское Успенское братство за время своей деятельности выпустило 138 изданий общим тиражом

Существует предположение, что Елисей Плетенецкий основал при монастыре и в некоторых его вотчинах школы, в которых «...объем преподавания соответствовал братским училищам домогиянского периода, т.е. преподавались там, кроме наук богословского содержания, и древние языки — латинский и греческий»[38].

Во время казацкой войны, когда типография Лавры прекратила свою работу, Киев получал книги из Львова.

Особое место среди изданий конца XVI — начала XVII в. занимала полемическая литература, появление которой было связано с усиленным наступлением католицизма. Эта литература сыграла огромную роль в формировании национального самосознания украинского и белорусского народов. Вместе с тем она была далеко не однородной по мировоззренческой направленности. В ней уже с самого начала «сложились две самостоятельные, во многом противоборствующие линии: мистико-аскетическая (исихастская), представленная главным образом Иваном Вышенским, и просветительски-критическая, рационалистическая, развивавшаяся прежде всего мыслителями-братчиками»[39].

Разоблачая злодеяния польских светских и церковных властей, насильственно насаждавших унию и жестоко угнетавших народ, православные полемисты беспощадно клеймили также тех соотечественников, которые перешли во вражеский лагерь, изменили отчизне, забыли родной язык, веру и традиции.

Репутация писателей-полемистов среди широких масс, уважение и доверие к ним были глубокими и неизменными. Книги их читали в церквах, на собраниях братств, передавали друг другу и свято берегли.

Систематическая полемика с католиками не могла пройти бесследно. Сочинения ревнителей Православия «проводили в сознании массы резкое разграничение между двумя христианскими вероучениями и указанием бесчисленных латинских за-

блуждений, советами необщения с ними должны были возбуждать и поддерживать дух нетерпимости ко всякой чужой вере, дух ненависти к иноверцам и привязанность к своей вере и тем, кто ее исповедует» [40].

Одним из наиболее выдающихся церковных деятелей XVII в., ревностным защитником православной веры и ярким полемистом был архимандрит Захария Копыстенский, автор полемиического произведения «Палинодия» (1620), сыгравшего важную роль в борьбе с унией. Поводом к его написанию стал выход в свет книги униата Льва Кревзы «Оборона унии». Архимандрит Захария обладал большой эрудицией и хорошо знал не только Святое Писание и труды отцов Восточной и Западной Церкви, но и каноны, византийское право. Поэтому, полемизируя с Кревзой, он убедительно показал коварство и лживость политики униатов, вскрыл причины возникновения унии и доказал своеволие латинян в обращении с церковными догматами и обрядами [41]. В том же духе выдержано прибавление к «Палинодии» — «О правдивой единности христиан правоверных». Захарии Копыстенскому принадлежит также сочинение, изданное под именем Азарии, — «О вере единой, святой, соборной, апостольской Церкви». Так архимандрит Захария, едва ли не первый, своими сочинениями против унии на деле показал возможность не только борьбы, но и победы над врагами Православной Церкви.

В 1597 г. в типографии Виленского братства был напечатан знаменитый «Апокризис, альбо отповедь на книжки о Соборе Берестейском» — книга, раскрывавшая и доказывавшая неправды Брестского собора, провозгласившего унию. Это сочинение также опровергает учение католиков о невмешательстве мирян в церковные дела и о слепом повиновении папсты своим пастырям. Автор этого обширного труда — Христофор Бронский — скрывался под псевдонимом Христофор Филалет [42].

Из типографии Виленского братства в 1608 г. вышла не менее знаменитая в свое время книга «Антиграф», в которой предавались разбору и посрамлению хитросплетения деятелей унии Поцея и Скарги. А в 1610 г. в этой же типографии была напечатана весьма полезная и нужная для борьбы с унией апология Православия, составленная иеромонахом Свято-Духовского монастыря Мелетием Смотрицким, под названием «Өрһвос, to jest Lamentjedynej, sw. powszechniej apostolskiej wschodniey cerkwie» («Фринос, т.е Плач св. Вселенской апостольской Восточной Церкви»), об отступлении сынов Церкви от греческого исповедания и от повиновения Константинопольскому патриарху. В этой книге, по отзыву известного униата, епископа Холмского Иакова Суши, «что ни слово — жестокая рана, что ни мысль — смертельный яд» [43]. Сочинение это, по свидетельству самих униатов, пользовалось уважением не только у православных, но и у протестантов. Его передавали как сокровище, из рода в род, по завещанию, а некоторые требовали даже класть его с собой в гроб, по смерти своей.

Чтобы оградить свои законные права, Виленское братство издало в 1632 г. книгу «Синописис, или краткое описание прав, привилегий, свобод и вольностей, данных литовскими князьями и польскими королями народу русскому, находящемуся неизменно в послушании Константинопольскому патриарху». В этой книге излагалась жалоба западнорусского народа на те несправедливости и притеснения, которые он терпит за свою веру.

Следует вспомнить также труды таких борцов за Православие, как Кирилл Ставровецкий («Зерцало богословия», 1618 г.), Захария Копыстенский («Книга о вере», 1619 г.), Петр Могила («Православное исповедание веры», 1640 г.), «Лифос, или Камень», 1644 г.), Сильвестр Коссов, Лазарь Баранович, Иоанникий Голятовский, Феодосий Сафонович и др [44].

Забота братств о построении и благолепии православных храмов и монастырей

Стремясь унижить православные святыни и заставить людей посещать костелы и униатские церкви, враги Православия постоянно разрушали и отнимали наши храмы. Униаты часто врывались в православные церкви, избивали священников, народ изгоняли силою, а святыни оскверняли. Так, во Львове к 1631 г. униаты отняли и разрушили более ста православных храмов[45].

В Вильно в начале XVII в. у православных были отняты все церкви, за исключением Свято-Духовской. В Полоцке, Витебске, Орше и Могилеве все православные храмы были опечатаны, а богослужения запрещены, даже если они совершались в шалашах за городом[46].

Богатые православные церкви вместе со всем имуществом передавались в ведение униатских ксендзов или в аренду евреям. Многочисленные жалобы и протесты братчиков, обращенные к местным властям, по поводу насильственного захвата храмов, принуждения почитать католические праздники и обряды, не приносили никакого результата. Тогда православные начали строить свои храмы. Основную заботу об их возведении взяли на себя церковные братства. Так, в 1527 г., когда Успенская церковь во Львове стореда, братчики наскоро поставили на ее месте маленькую церковь Трех Святителей[47]. Но, простояв два десятилетия, она начала рушиться. Не располагая в то время большими средствами, братство обратилось ко всем православным с просьбой пожертвовать на постройку новой церкви. В 1559 г. новый храм был возведен. В то время один из братчиков, желая увековечить свое имя, на собственные средства начал строить около церкви колокольню. Однако в 1570 г., из-за непрочности

фундамента, стены ее рухнули. Со временем на этом месте другой член братства Константин Корняк построил новую колокольню. «Побоче сей церкви поставил Константин Корняк в шести летах (1572–1578 гг.) своим коштом величаву вежу с тесового камня» [48], получившую название «Корняктовской».

В это же время при колокольне была возведена небольшая часовня, сохранившаяся, так же как церковь и звонница, до наших дней.

В 1571 г., когда постройка колокольни еще не была начата, братство постигло несчастье: во время пожара снова сгорела Успенская церковь. Братчики опять занялись строительством новой церкви, которая должна была быть больше по размерам и красивее в архитектурном отношении, чем прежняя. На строительство было получено благословение Антиохийского патриарха Иоакима, находившегося в то время во Львове.

Уже в 1630 г. храм был полностью закончен. В главном куполе братчики поместили много надписей, в том числе и антиуниатского содержания. Так, в самом центре его была помещена следующая надпись: «Прими убо милостиве, распныйся плотию Иисусе, Слове Божий, и всех ктиторов освяти, храм сей и люди зловерия избави» [49].

Кроме своей церкви, Львовская ставропигия заботилась о благосостоянии монастыря и церкви Святого Онуфрия, а также находящейся при нем часовни во имя Святой Троицы. Под покровительством братчиков находился и монастырь на Покутье. Львовское братство щедро субсидировало свои монастыри деньгами, следило за чистотой веры иноков, избирало игуменов.

Церковное братство города Вильно также много потрудилось в деле сооружения и укрепления православных храмов. Когда Троицкий монастырь, принадлежавший митрополиту Онисифору, пришел в упадок, братство упросило короля Стефана передать обитель в их ведение. Однако Сигизмунд III, преем-

...и Стефана, несмотря на то, что братство уже понесло большие затраты на восстановление обители, передал ее униатскому архимандриту Иосифу Рутскому. Тогда братчики, руководимые решимостью к православной вере, начали возводить новый монастырь и церковь Святого Духа. Независимо от препятствий, навязываемых со стороны короля, строительство было закончено. А в 1633 г. уже новый король — Владислав IV (1632—1648) дал разрешение на свободное совершение богослужений.

Виленские братчики имели в своем ведении и другие монастыри — святых апостолов Петра и Павла, Вевейский, Сновский, Новодворский, Купятицкий и др. Это были обители, основанные частными лицами, которые, опасаясь, чтобы святыни не попали в руки униатов, передавали монастыри под покровительство и власть братства.

Заботились о своих храмах и монастырях также и киевские братчики. Они при помощи гетмана Сагайдачного построили большую церковь во имя Богоявления Господня с приделами Благовещения и преподобных Антония и Феодосия Печерских[50]. Этой же церкви был передан большой золочено-серебряный ручной крест, украшенный девятью драгоценными камнями и надписью: «Року 1622 дал сей крест раб Божий Петр Конашевич Сагайдачный гетман войска его... до церкви Святого Богоявления Господня, в дом братский, на отпущение грехов своих»[51].

Могилевское братство заботилось о благосостоянии своей церкви в честь Входа Господнего в Иерусалим. Когда же деревянная церковь сгорела, братчики решили открыть монастырь и в нем поставить новый каменный храм во имя Богоявления, который думали устроить по плану Богоявленской церкви Киевского братства. С вступлением на польский престол Владислава IV братство получило возможность осуществить свои планы. Вскоре великолепный храм Богоявления Господня был готов. А через несколько лет рядом с ним была построена

теплая каменная церковь в честь Иоанна Богослова, а также сооружен алтарь во имя святителя Николая[52]. В 1669 г. при этой церкви учреждено было особое братство (состояло из неженатых молодых людей), трудами которого был вырезан и позолочен иконостас, написаны иконы, из коих четыре были украшены серебряными ризами[53].

Могилевские братчики с должным вниманием и любовью относились к богослужению и благолепию храмов, к своему церковному обиходу. Вот как об этом свидетельствует паломник: «В Могилеве — монастырь благочестивый, называется братский, живут в нем иноки. Около того монастыря ограда каменная, и церковь в нем соборная каменная ж немалая, изрядного строения... Строение в той церкви изрядной резной работы, золоченое. Та церковь подписана вся стеном письмом изрядным, иконостас резной, золоченый, великий, изрядной работы. На Страстной неделе в той церкви иконостас весь и святые иконы завешены были крашениною вишневою, и по той крашенине писаны страсти Христовы живописным добрым письмом. Служба в той церкви отправляется греческого обыковения, зело чинно, святые иконы у столпов изрядных писем и зело богатым украшением убраны... В великую субботу был я у обедни... Темные завесы от иконостаса отобраны были и убрана была та церковь уборами изрядными... Святую литургию служил наместник и с ним шесть человек священников... в золотом облачении, зело богатом. В то время во всем иконостасе пред всеми святыми иконами свеч предивных, золоченых великих запалено было множество, и в самых верхних поясах свеч горело зело премного...»[54].

Подобно этому и все другие братства на территории Украины и Белоруссии заботились о благоустроении православных церквей, что еще больше усиливало в братчиках и во всех верующих любовь к святым местам, преданность своей вере и укрепляло ослабевающий в притеснениях дух народа.

Вот еще свидетельство об одном из богослужений в церкви Острожского братства: «Все братчики собрались в храме Апостолов. Во время полиелея зажглись паникадила и еще в большем благолепии представилась церковь; при чтении Евангелия, по чину Острожского братства, всем братчикам подали зажженные свечи, и они стали около Царских дверей, что было весьма торжественно»[55].

Большое внимание обращали братчики на церковную проповедь, которая должна была противостоять выступлениям латинцев, пытавшихся своими изощренными «казаньями» уловить в латинские сети православных христиан. Кроме духовенства, проповеди читали специально назначенные братствами учителя, а также способные ученики братских школ. Однажды Виленское братство, воспользовавшись присутствием в городе святителя Димитрия Ростовского, просило его произнести в братской церкви проповедь, на что тот охотно согласился и проповедовал дважды[56].

Желая придать богослужению больше торжественности, братские союзы заботились о стройности и благозвучии церковного пения. Для этого они старались «елико мощно прекраснее устроить у себя божественное пение по чину мусикийских согласий, на посрамление бездушных висканий римских»[57]. А потому одним из главных предметов в братских школах было церковное пение, которому обучали с самого раннего возраста.

Луцкие братчики, учреждая у себя монастырь, просили игумена: «Так как и певчие принадлежат к внешней церковной красоте, то мы требуем и того, чтобы игумен содержал на общем столе протопсалта, т.е. старшего певца и школьного учителя, и о других сторонах способных к пению заботился бы отечески; и если встретятся такие отроки, то представляя бы их нам, и совместно с нами старался бы об их продовольствии»[58].

Все эти примеры как нельзя лучше характеризуют отношение братчиков к богослужению и храмам, которые, благодаря их трудам, оставались твердынями Православия.

Взаимоотношения православных братств и их влияние на внутреннюю жизнь Церкви

В уставе Львовского Успенского ставропигиона, утвержденного патриархом Иеремией, говорится, что всякое, где бы то ни было основанное братство, должно сообразовываться с постановлениями Львовского. Поэтому в основу уставов всех западнорусских православных братств были положены принципы братских союзов городов Львова и Вильно. Этим объясняется тот факт, что все церковные объединения Украины и Белоруссии по своему внутреннему устройству были между собой очень сходны.

В 1591 г., по благословению Перемышлянского епископа, Городокское и Гологорское братства приняли устав Львовской ставропигии. Этот же документ приняли Могилевский, Луцкий, Киевский, Брестский, Минский, Бельский и другие братские союзы[59]. «Да везде одинакие братства будут»[60], — говорится в постановлении Брестского (1596 г.) Собора по этому поводу. Львовская ставропигия, желая послужить общему делу, охотно предоставляла свой устав и подавала братские советы всем братчикам. В 1609 г., посылая устав Новокопачевскому братству, львовские братчики писали: «Достохвальное желание ваше общепользых к созиданию сочитываемым вам... и противу прощению вашему, братие, посылаем вам, якоже некия священники скривали от святейших патриарх»[61].

Ввиду такого большого влияния Львовского братства, Антиохийский патриарх Иоаким еще в 1586 г. дал ему право законного старшинства. Львовский братский союз и другие ставропигии, в силу своей непосредственной подчиненности власти патриарха, получили право наблюдать за чистотой веры, поведением и исполнением устава в братствах неставропигийных, которые обязаны

были им повиноваться. Но это не давало ставропигийным братствам права власти, управления и суда над неставропигийными.

Отношения между братскими союзами Украины и Белоруссии строились на взаимопонимании и любви. В своих письмах братства выражали друг другу самые искренние благопожелания, давали советы, извещали о происшедших событиях, хвалили за ревность по вере и благочестию, утешали в несчастиях.

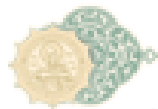
Кроме всего этого, они поддерживали друг друга материально, обменивались учителями, поставляли священников, обеспечивали школы книгами.

Такая любовь и единодушие между братскими союзами делали их более сильными и сплоченными в борьбе за святую веру, свободу и права угнетенного православного населения Украины и Белоруссии.

С введением унии нестроения в Церкви постоянно усиливались. Имущественство польских королей в процесс избрания кандидатов на православные епископские кафедры и назначения игуменов монастырей орицательно сказывалось на жизни Церкви и нередко становилось причиной беспорядков. На высшие церковные должности часто избирались люди не только не обладавшие необходимыми для этого качествами, но и откровенно враждебно настроенные к Православию. Присвоение королями права суда над епископами и священнослужителями также нанесло большой вред Церкви.

Католики и униаты все эти нестроения старались поддерживать, чтобы еще больше расшатать силы Православной Церкви и тем самым подорвать ее авторитет. Люди же все «единогласно вопияли, что если не прекратится церковное развращение, то они отступят от православия, перейдут в римское послушание и в покон безмятежно пребудут» [62].

Эту сторону церковной жизни также не оставили без внимания братские союзы. Находясь в постоянных сношениях с патриархами, братчики подробно извещали их о всех беспорядках,

происходивших в Церкви, о недостойных духовного сана лицах о притеснениях от униатов и католиков, опровергали разного рода клеветы, а также сообщали об отклонениях в обрядах и погрешностях в уставе. Таким образом, православные братства были как бы наблюдателями от Константинопольского патриарха, а тот в ответ писал им обширные послания, в которых утешал в скорбях, давал соответствующие указания и рекомендации.

В 1612 г., когда на всю Украину и Белоруссию остался один только православный епископ, занимавший Львовскую кафедру, братчики решили добиться, чтобы у них был свой митрополит, который бы мог поставять и в других городах епископов и священников. С этой же целью игумен Киевского Михайловского монастыря Иов Борецкий и гетман Запорожского войска Сагайдачный упросили Иерусалимского патриарха Феофана, находившегося в 1620 г. проездом в Киеве, восстановить православную иерархию. Патриарх долго не решался, боясь гнева короля. Когда же Сагайдачный поклялся защищать оружием новопоставленных владык, то патриарх согласился и предложил избрать кандидатов. Так, ночью в Богоявленской братской церкви, при закрытых дверях и окнах, совместно с двумя другими восточными архипастырями, патриарх возвел Иова Борецкого в сан митрополита Киевского. Были поставлены также епископы и на другие кафедры Украины и Белоруссии[63].

Таково было влияние братств на внутреннюю жизнь Церкви.

Кроме того, они не оставляли дел милосердия и щедро раздавали милостыню всем нуждающимся, содержали больницы и богадельни. При раздаче праздничных подарков в городских «ликариях» щедрость братчиков распространялась и на католиков. Этим братчики заслужили к себе любовь и уважение всего населения, как православных, так и поляков-католиков.

Таким образом, братства охраняли Православие всеми доступными методами, не жалея при этом ни сил, ни здоровья, ни средств.

Борьба братчиков за внешние права Церкви

Время и условия жизни ставили перед братствами еще одну трудную задачу — необходимо было отстоять Православную Церковь на окраине и в Белоруссии и упрочить ее положение в этом регионе.

С провозглашением на Брестском (1596 г.) Соборе церковных унии у православных были отняты все права. В пределах Речи Посполитой польское правительство признавало только католическую Церковь, ей были переданы права и привилегии, которыми раньше пользовалась Православная Церковь.

Все это вызывало со стороны церковных братств мощное противодействие. Одной из главных задач их было восстановление прав Церкви. Для этого братства использовали все возможные средства и методы. На каждое действие католиков и униатов братчики отвечали протестами, открывали судебные процессы, подавали жалобы королю, магистратам и другим облеченным властью лицам. Одним из направлений, боролись за права Церкви во всех государственных инстанциях, о чем свидетельствуют многие факты.

Были случаи, когда братчики добивались изменений в польском законодательстве. Так, в 1521 г., когда гонения на православных в Галиции особенно усилились, Львовское братство обратилось к королю с жалобой, в результате были учреждены специальные комиссии для выяснения ситуации и издано постановление, которым предусматривалось следующее[64]: а) православным разрешалось приносить присягу не только в латинском костеле, но и в своей церкви; б) позволительно было священникам ходить к больным со Святыми Дарами в облачении, но без свечей (а по Русской улице со свечами); в) православные допускались в суд в качестве свидетелей, чего были лишены раньше; г) магистрат при назначении священников должен был считаться с мнением народа; д) умерших

православных священников разрешалось провожать по городу в облачении, но без свечей и колокольного звона (на Русской улице можно было и петь, и звонить, и зажигать свечи).

Львовское братство также добилось, чтобы в Варшаве в качестве резидентов постоянно жили особо избранные для этого братчики, хорошо знакомые с ходом судебных дел, что давало возможность постоянно иметь контакт с правительством и предупреждать надвигающиеся новые несчастья. Резиденты также представляли братства на сеймах, ходили в суды и пр.

Особенно благоприятным был для православных сейм 1607 г., на котором король Сигизмунд III разрешил им исповедовать свою веру, беспрепятственно совершать все обряды и иметь своих пастырей. Это постановление было занесено в конституцию.

В 1620 г., когда Польша воевала с Турцией, полякам необходима была помощь Запорожского войска. Рассчитывать на нее можно было только в случае больших уступок польского правительства православным. Этими благоприятными обстоятельствами не замедлили воспользоваться православные братства. На сейм, созванный в Варшаве для принятия мер по спасению отечества, братчики послали своих депутатов. Там, в присутствии короля и сенаторов, произнес свою историческую речь член Львовского братства Лаврентий Древинский: «Теперь, ввиду страшной опасности для республики, — говорил он, — ваше величество, конечно, потребует помощи, и едва ли не главной, от народа греко-русского исповедания, того народа, который терпит великие всевозможные притеснения. Но как этот народ поставит свою грудь на защиту вашей державы, если останется неудовлетворенным в своих нуждах и просьбах?» [65]. В заключение Древинский просил короля сжалиться над православными, которые уже давно безуспешно требуют человеческого к себе отношения: «Если же не исполнены будут наши желания, если на этом сейме не будет доставлено нам

спокойствия и уврачевания язв, то мы вынуждены будем возопить вместе с пророком: суди ми, Боже, и рассуди прю мою» [66].

В ответ на требования братств, особенно же на речь Лаврентия Древинского, король вместе с сеймом еще раз подтвердил конституцию 1607 г., запретив преследовать православных.

После смерти Сигизмунда III (1632 г.) собрался сейм, в заседании которого деятельное участие принимали послы от братств, казачества и духовенства, представленного архимандритом Петром Могилой. Последний в своем письме польскому гетману Радзивиллу писал: «Воистину приспело время и нам обиженным отозваться! Где истина — там и Бог, а она с нами! Нужно только единодушие и согласие. Теперь не время и нечего спать» [67].

Как только открылось заседание, православные послы заявили, что если сейм не выслушает и не удовлетворит всех их просьб, то они не будут участвовать в его работе, и тогда он будет сорван. Требования братчиков, выраженные в столь решительной форме, не могли быть отклонены.

Как ни сильна была униатская оппозиция, она должна была отступить под напором дружных и энергичных действий православных. Невзирая на протесты латинян, униатов и самого папского нунция, король предоставил православным полную свободу вероисповедания, а также разрешил иметь своих епископов. Братствам возвращались многие отнятые у них прежде церкви и монастыри, а главное — было установлено право свободного перехода из унии в Православие.

В борьбе за внешние права Церкви у братчиков был еще один, золотой «ключ», которым они пользовались там, где не действовали устные, письменные и частные ходатайства. «Ключом» этим была братская «скринька», или казна. Братства часто откупались от врагов деньгами и подарками, привлекая таким образом милость короля и польских судей не только к себе, но и ко всем православным [68].

Библиографические ссылки

1. Харлампович К. Западнорусские церковные братства и их просветительная деятельность в конце 16 и начале 17 вв. СПб., 1899. С. 12.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Иоанн (Экономцев), игумен. Православие, Византия, Россия. Сборник статей. М., 1992. С. 77.
6. Горский А.В. О духовных училищах в Москве в XVII в. Прибавление к изданию Святых отцов. М., 1845. С. 148.
7. Крыловский А. Львовское Ставропигийное братство. Опыт церковно-исторического исследования. К., 1904. С. 234.
8. Хижняк З.И. Киево-Могилянская Академия. К., 1988. С. 32.
9. Грінченко Б. Братства і просвітня справа на Україні за польського панування до Б. Хмельницького. К., 1907. С. 25.
10. Почаевская лавра и Острожское братство. К., 1871. С. 32–33.
11. Хижняк З.И. Указ. соч. С. 30.
12. Известия от Свято-Кирилло-Мефодиевского братства. Острог, 1881. С. 9.
13. Архив Юго-Западной России. Т. 11. К., 1859–1904. С. 69.
14. Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений // Труды Киевской Духовной Академии. 1898, январь. С. 14.
15. Вестник. Львов, 1907. № 6. С. 97.
16. Научный сборник. Львов, 1868. С. 11.
17. Архив... Т. X. С. 312–315.

18. Петров Н. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. 1, К., 1892. С. 234–235.
19. Памятники, изданные киевской комиссией для разбора древних актов. Т. III. К., 1852. С. 121.
20. Шокотко В. До питання про історію братств і їх шкіл на Україні в кінці XVI — початку XVII ст. Б.М., 1956. С. 103–104.
21. Линчевский М. Педагогия древних братских школ // Труды Киевской Духовной Академии. 1870, июль — сентябрь. С. 17.
22. Там же.
23. Франко І.Я. Нарис історії українсько-руської літератури. Львів, 1910. С. 45.
24. Медынский Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI — XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. К., 1954. С. 46.
25. Харлампович К.В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв. Казань, 1898. С. 248.
26. Там же. С. 348.
27. Максимович М. О первых временах Киевского Богоявленского братства. К., 1869. С. 31.
28. Папков А.А. Братства. Очерк истории западнорусских братств. Сергиев Посад, 1900. С. 229–230.
29. Голубев С.Т. История Киевской Духовной Академии. Вып. 1. К., 1886. С. 105.
30. Хижняк З.И. Указ. соч. С. 35.
31. Памятники... С. 40.
32. Мальшевский И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас. Т. 2. К., 1872. С. 14.
33. Науменко Ф.І. Педагог — гуманіст і просвітитель І.М. Борецький. Львів, 1963. С. 22.
34. Петрушевич А.С. Хронологическая роспись церковных и мирских русско-словенских книг, напечатанных кирилловскими буквами во Львове с 1574 до 1800 гг. Львов, 1884. Б.С.

35. Флеров И., свящ. О православных церковных братствах. СПб., 1857. С. 129.

36. С.В.А. Сила и значение Киево-Печерской Лавры в борьбе с унией в истории юго-западного края России. К., 1893. С. 24.

37. Гришин А., Писларий И., Черепанов И. Печерский монастырь в конце XVI — первой половине XVII вв. // Очерки истории Киево-Печерской Лавры и заповедника. К., 1992. С. 54.

38. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Опыт исторического исследования. Т. 1. К., 1883. С. 281.

39. Замалеев А., Зоц В. Отечественные мыслители позднего средневековья. К., 1990. С. 128.

40. Преображенский В. Полемические сочинения против латинян как один из моментов влияния церкви на образование русской народности. Ярославль, 1899. С. 25.

41. С.В.А. Указ. соч. С. 43.

42. Сокальський В., прот. Апокрисис — видатний протнуіатський твір // Православний вісник. 1975. № 4. С. 30—31.

43. Зноско К., прот. Исторический очерк церковной унии. М., 1993. С. 132.

44. Огієнко І. Українська культура. К., 1918. С. 38—40.

45. Флеров И., свящ. Указ. соч. С. 140.

46. Бантыш-Каменский. История об унии. Вильно, 1864. С. 66.

47. Барвінський О. Ставропігійське братство Успенське у Львові, його заснування, діяльність і значення. Львів, 1866. С. 53.

48. Там же.

49. Шараневич И. Юбилейное издание в память трехсотлетия основания Львовского Ставропигийского братства. Львов, 1886. С. 4.

50. Максимович М. Указ. соч. С. 15.
51. Там же. С. 23.
52. Могилевские ведомости 1846. № 23. С. 456.
53. Там же.
54. Папков А. Указ. соч. С. 251–253.
55. Почаевская лавра... С. 28.
56. Флеров И., свящ. Указ. соч. С. 153.
57. Крыловский А. Указ. соч. С. 208.
58. Папков А. Указ. соч. С. 147.
59. Макарий, митр. Московский. История Русской Церкви. Т. IX. СПб., 1900. С. 509.
60. Флеров И., свящ. Указ. соч. С. 22.
61. Крыловский А. Указ. соч. С. 78.
62. Флеров И., свящ. Указ. соч. С. 176.
63. Грушевський М. Ілюстрована історія України. К., 1992. С. 250–251.
64. Зубрицкий Д. Летопись Львовского Ставропигийского братства. Львов, 1926. С. 78.
65. Ефименко А. Южно-русские братства. СПб., 1905. С. 228.
66. Там же.
67. Папков А. Указ. соч. С. 160.
68. Там же. С. 172.